

на с личностным развитием и самореализацией, однако каковы причины отсутствия данных досуговых практик в жизни современных студентов, ведь на первый взгляд данные занятия являются доступными.

Отмечая основные причины, по которым современные студенты не могут реализовать «желаемые» досуговые практики, мы выявили традиционные причины – отсутствие времени (32,4%) и недостаток финансов (18,9%), и новые – «лень», что объявляется студентами открыто и осознанно. Действительно, образовательная и спортивная деятельность связаны не с необходимостью использовать максимум возможного времени, а со значимостью систематичности, дополнительного напряжения и самоотдачи. Понимая значимость данной деятельности и имея желание ее реализовывать, современная молодежь не имеет достаточно внутренних ресурсов для занятия данными практиками.

Поводя итог, можно сказать, что досуг является традиционной деятельностью молодежи для отдыха, развлечения, творчества, самореализации и социализации. Современное разнообразие в услугах и финансовые возможности позволяют заниматься совершенно разнообразным, а иногда неожиданным «новым» видом досуга. Однако досуг все же связан с расслаблением и получением новых эмоций, отвлечением от рутинных обязанностей, что объясняет отсутствие в досуговой деятельности практики саморазвития и образования, что, хоть и признается студентами как значимое, но не реализуется в полной мере.

Список литературы:

1. Логанова С.Л. Досуг современного студента // Теория и практика современной науки. 2017. №5. С. 1204–1206.
2. Щепеткова И.О. Досуг как научная категория: разнообразие подходов к изучению // Дискуссия. 2015. №6. С. 121–128.
3. Тюрина Л.А. Культурологические технологии как фактор формирования досуговой культуры молодежи. Тамбов: Изд-во ТГУ. 2010. 156 с.
4. Бердникова М.С., Казорина Ж.А. Досуг как социокультурное явление студенческой молодежи // Экономика, социология, право. 2022. №4. С. 48–54.
5. Ярмолич Ф.К. Досуг в социализации юных жителей советского города в 1950-х 1960 –х гг. // История повседневности. 2025. №4. С. 65–77.

Э.Р. Шарипова,
Уфимский университет науки и технологий;
Н.Л. Большакова,
Уфимский университет науки и технологий

ОТ МЕМОВ К КИБЕРБУЛЛИНГУ: МОЛОДЕЖЬ КАК ПРОИЗВОДИТЕЛЬ И МОДЕРАТОР КУЛЬТУРНЫХ НОРМ В НЕЙРОСЕТЕВОЙ СРЕДЕ

В статье анализируются социокультурные механизмы формирования, воспроизводства и трансляции нормативных моделей взаимодействия в нейросетевой среде, в рамках которой молодежь выступает не только в роли активного потребителя цифрового контента, но и в качестве его производителя, конструируя символы, коммуникативные практики от иро-

ничных меметических форм до деструктивных проявлений цифровой агрессии, включая феномен кибербуллинга.

Ключевые слова: молодежь, кибербуллинг, цифровая культура, нейросетевая среда, мемы, онлайн-коммуникация, цифровая агрессия, социальные сети, идентичность.

**E.R. Sharipova, Ufa University of Science and Technology;
N.L. Bolshakova, Ufa University of Science and Technology**

FROM MEMES TO CYBERBULLYING: YOUTH AS PRODUCERS AND MODERATORS OF CULTURAL NORMS IN A NEURAL-NETWORK ENVIRONMENT

The article analyzes the sociocultural mechanisms of the formation, reproduction, and transmission of normative models of interaction within the neural network environment, in which young people act not only as active consumers of digital content but also as its producers, constructing symbols and communicative practices ranging from ironic memetic forms to destructive manifestations of digital aggression, including the phenomenon of cyberbullying.

Keywords: youth, cyberbullying, digital culture, neural network environment, memes, online communication, digital aggression, social networks, identity.

Цифровая среда, стремительно насыщаемая нейросетевыми технологиями, утрачивает статус исключительно канала коммуникации и все в большей степени функционирует как автономное пространство производства культурных норм, символических иерархий и механизмов социального регулирования. В рамках этого пространства молодежь предстает не в роли пассивного потребителя алгоритмически сгенерированного контента, а в качестве активного агента, совмещающего функции автора, ретранслятора и неформального модератора смыслов. Спектр этих смыслов варьируется от ироничных мемов и визуально-кодированных форм самовыражения до агрессивных практик символического насилия, включая различные формы кибербуллинга.

В классических социологических концепциях социализация рассматривалась как относительно устойчивый и институционально опосредованный процесс включения индивида в социальный порядок через семью, систему образования, профессиональные структуры и культуру в целом. Даже в ранних исследованиях цифровой среды интернет, как правило, осмысливался скорее в качестве дополнительного коммуникативного ресурса, нежели как самостоятельное пространство формирования нормативности. Однако распространение нейросетевой коммуникации принципиально изменяет конфигурацию данного процесса. Современный молодой человек социализируется в среде, где содержание коммуникации, ее временность, а также видимость одних высказываний и вытеснение других определяются не только действиями социальных акторов, но и алгоритмическими механизмами, функционирующими по логике, в значительной степени непрозрачной для повседневного опыта.

Ключевой характеристикой нейросетевой среды является ее способность к селективному усилению определенных смыслов. Алгоритмы рекомендаций формируют индивидуализированные информационные потоки, создавая эффект своеобразного «нормативного пузыря», в рамках которого индивид систематически сталкивается с однородными типами оценок, реакций и интерпретаций социальной реальности.

При этом молодежь выступает не только объектом, но и активным субъектом данной трансформации. В условиях нейросетевой коммуникации она не ограничивается усвоением уже существующих моделей поведения, но постоянно участвует в их производстве, воспроизводстве и переопределении. Мемы, иронические форматы, визуальные шаблоны и краткие текстовые конструкции выполняют функцию средств ускоренной символической ориентации в социальной реальности.

Отметим, что нейросетевая среда принципиально отличается от классических форм горизонтальной социализации, например, от взаимодействия в малых группах. Алгоритмы не ограничиваются фиксацией популярности тех или иных смыслов, но активно участвуют в их тиражировании и усилении, формируя иллюзию естественного социального консенсуса. В данном контексте представляется оправданным говорить о феномене алгоритмической нормативности – специфической форме регуляции, при которой социально одобряемое конституируется не через прямые предписания или санкции, а посредством механизмов видимости, повторяемости и вовлеченности [1, с. 204].

Таким образом, логика алгоритмической нормативности получает конкретное и эмпирически наблюдаемое воплощение в повседневных практиках цифрового культурного производства, прежде всего в мемах. Последние выступают не просто элементами развлекательного медиаконтента, но специфическими узловыми механизмами перераспределения смыслов, режимов видимости и форм символической власти в нейросетевой среде.

Ранние интерпретации мемов, как правило, опирались на метафору репликации, исходя из предположения, что мемы распространяются по аналогии с вирусами, воспроизводя себя в относительно механистическом режиме. Однако подобная трактовка представляется концептуально ограниченной, поскольку она редуцирует меметическое производство к процессу копирования и тем самым исключает его социально-смысловое измерение. Мем не существует вне интерпретативного акта: его функционирование предполагает распознавание контекста, наличие культурной компетентности и определенный уровень коллективного согласия относительно того, какие элементы мема подлежат считыванию как значимые. В этом отношении мем целесообразно рассматривать как символическую форму, то есть как носитель значения, укорененного в системе социальных отношений и разделяемых представлений.

Исследователи Я.Ю. Бардамова, Е.А. Маркова и Л.А. Гуринович отмечают, что культурное производство, осуществляемое посредством мемов, характеризуется высокой скоростью циркуляции и низким порогом включения участников [2, с. 301]. В отличие от традиционных культурных индустрий, где генерация и легитимация смыслов институционально закреплены и профессионально специализированы, меметическая культура функционирует преимущественно в горизонтально организованных сетях. Это ведет к перераспределению права на интерпретацию и переописание социальной реальности между множеством акторов, вместо его концентрации в руках ограниченного круга символических производителей.

Многозначность мема и его способность скрытно задавать границы допустимого выводят исследование к вопросу о роли иронии как одного из ключевых, но отнюдь не нейтральных механизмов символического производства и трансляции смыслов. Ирония традиционно интерпретировалась в социально-философской и социологической перспективе как форма рефлексивной дистанции – относительно мягкий способ критического осмысления власти, нормативных порядков и доминирующих дискурсов. Однако в пространстве

меметической культуры данная функция иронии оказывается существенно трансформированной и сохраняется лишь фрагментарно.

Мем, обладая высокой степенью лаконичности и визуальной насыщенности, редуцирует сложные социальные процессы и структуры до легко узнаваемых образов и шаблонов интерпретации. Само по себе подобное упрощение не является проблематичным: оно неизбежно для любых форм массовой коммуникации. Так, Е.О. Клименко считает, что тем не менее в условиях интенсивного тиражирования и сетевой циркуляции мемов возникает эффект кумулятивной упрощения социальной реальности до набора устойчивых стереотипов, которые все чаще становятся объектами насмешки и символического обесценивания [3, с. 389].

Переход от иронической дистанции к агрессивному высказыванию осуществляется, как правило, постепенно и редко воспринимается участниками коммуникации как осознанный акт насилия. Мем, высмеивающий определенную социальную группу или индивидуальную характеристику, на начальном этапе может интерпретироваться как безобидная шутка, лишенная негативных интенций. Однако повторяемость подобных репрезентаций, подкрепленная коллективным одобрением, существенно усиливает их воздействие, трансформируя юмор в механизм нормализации унижения.

Кибербуллинг в данном случае следует рассматривать не как радикальный разрыв с юмористической коммуникацией, а как ее предельную радикализацию. Мем выступает здесь в роли триггера – пускового механизма коллективной агрессии, поскольку он задает интерпретационную рамку, в пределах которой объект насмешки лишается статуса серьезного социального субъекта.

Таким образом, мем выполняет функцию символического оправдания: агрессия маскируется под юмор и тем самым выводится за пределы моральной и социальной ответственности. Особую роль в данном процессе играет коллективный характер меметической культуры. Кибербуллинг практически никогда не носит индивидуального характера. Напротив, он реализуется как форма группового действия. Следует отметить, что мем, циркулирующий в цифровом коммуникационном пространстве, способствует формированию эффекта распределенной ответственности: каждый участник вовлекается посредством минимальных символических действий – отметки «нравится», репоста либо краткого комментария, однако в своей совокупности эти микроинтервенции конституируют значительное социальное давление, направленное на объект агрессии.

Таким образом, меметически опосредованная агрессия выводит исследовательский анализ на более высокий уровень обобщения – уровень производства, воспроизводства и трансформации нормативных границ в цифровой среде. В этих условиях допустимость высказываний и практик определяется не столько через формализованные запреты и институциональные регламенты, сколько через повседневные, рутинные механизмы оценки, одобрения, игнорирования и молчаливого соучастия, распределенные между самими участниками коммуникации.

Молодежь, обладая высокой степенью цифровой компетентности, а также повышенной чувствительностью к меняющимся культурным кодам и меметическим формам сетевого взаимодействия, оказывается в структурно привилегированном положении для осуществления подобной регуляции. Неформальная модерация проявляется прежде всего в практиках коллективной оценки контента. Лайки, дизлайки, комментарии, репосты и демонстративное игнорирование формируют символическую иерархию высказываний, в рамках которой одни

сообщения получают признание и тиражирование, тогда как другие маргинализируются и вытесняются на периферию публичного внимания.

Подобные действия редко рефлексированы участниками как нормативные в строгом смысле слова, однако в совокупности именно они задают подвижные границы допустимого и недопустимого. Молодой пользователь усваивает правила поведения не через эксплицитные инструкции или формализованные кодексы, а посредством наблюдения за реакциями сообщества и динамикой символических поощрений и санкций. Это придает процессу цифровой социализации одновременно высокую скорость и выраженную неявность.

Специфика молодежи как агента неформальной модерации заключается в процессуальном характере ее нормативного воздействия. Нормы не фиксируются в виде устойчивых и однозначных предписаний, а находятся в состоянии постоянной пересборки в зависимости от контекста, актуальной повестки и текущих символических конфликтов. С одной стороны, это придает цифровым нормам гибкость и адаптивность, с другой делает их принципиально нестабильными. По мнению исследователя А.Д. Шурыгиной практики и высказывания, которые в данный момент воспринимаются как допустимые или даже поощряемые, в краткосрочной перспективе могут оказаться объектом коллективного осуждения и символического исключения [4, с. 98].

Так, процессуальная и по своей природе нестабильная нормативность цифровых сообществ, воспроизводимая через повседневные практики неформальной проверки, требует иного аналитического языка – такого, который позволял бы схватывать не только механизмы возникновения и разрушения норм, но и способы, посредством которых сами участники способны рефлексивно воздействовать на траектории нормативного дрейфа, не прибегая к внешним формам принуждения.

В цифровой среде это предполагает формирование культурных предпосылок, позволяющих участникам коммуникации различать границы между иронией, критикой и символическим унижением. Принципиально важно подчеркнуть, что речь идет не о морализаторском контроле, а о развитии многовариативной компетентности – способности распознавать потенциальные социальные эффекты высказываний, в том числе замаскированных под юмор. С этой точки зрения культурная креативность не выступает препятствием для снижения практик кибербуллинга, но, напротив, может рассматриваться как один из его регулятивных ресурсов.

Креативные формы цифровой коммуникации – мемы, иронические жанры, визуально-символические конструкции обладают высокой степенью знаковой и аффективной насыщенности. Вместо их нормативного подавления более продуктивной оказывается стратегия смещения аналитического фокуса с содержания на контекст использования. Один и тот же символический объект способен функционировать как механизм солидаризации либо как инструмент исключения – в зависимости от совокупности нормативных ожиданий, рамок и коммуникативных ситуаций, в которые он включен.

Таким образом, переход от меметических практик к кибербуллингу следует интерпретировать не как симптом моральной деградации цифровой культуры, а как проявление глубинных процессов нормативного самоорганизования в условиях нейросетевой медиареальности. Молодежь в данной среде выступает одновременно как производитель культурных смыслов и как их ситуативный регулятор, используя доступные символические ресурсы для поддержания, трансформации либо подрыва действующих норм.

Список литературы:

1. Шарипова Э.Р., Большакова Н.Л. Социология кибербуллинга в эпоху нейросетей: анализ тенденций и социальных последствий // Школа молодого ученого: субъектность молодого ученого в регионе: материалы международной научно-образовательной конференции, Казань, 25–26 апреля 2025 года. Ульяновск: ИП Кеньшенская Виктория Валерьевна (издательство «Зебра»), 2025. С. 196–206. EDN WCQIMT.
2. Бардамова Я.Ю. Маркова Е.А., Гуринович Л.А. Мем как инструмент коммуникации в жизни молодежи // В поисках социальной истины: материалы II Международной научно-практической конференции, Иркутск, 30 ноября 2020 года / Под общей редакцией О.А. Полюшкевич, Г.В. Дружинина. Иркутск: Иркутский государственный университет, 2020. С. 295–303. EDN KSYMPP.
3. Клименко Е.О. Влияние интернет мемов на коммуникацию молодежи // Общество, экономика и право: вызовы современности и тенденции развития: электронный сборник статей по материалам IV Международной научно-практической конференции, Волжский, 16 декабря 2022 года. Волжский: Сфера, 2023. С. 386–391. EDN UKURYJ.
4. Шурыгина А.Д. Кибербуллинг в России – много шума из ничего? // Социальная антропология Сибири. 2020. Т. 1. № 4. С. 94–102. DOI: 10.31804/2687-0606-2020-1-4-94-102. EDN FPXZEQ.

В.С. Щербина,
Санкт-Петербургский университет
технологий управления и экономики (СПбУТУиЭ)

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС МОЛОДЕЖИ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

В статье рассматриваются ключевые изменения в обучении молодежи в условиях цифровизации: расширение образовательного пространства за счет социальных сетей и мессенджеров, смещение практик коммуникации и контроля, трансформация учебной мотивации и ритмов внимания, а также рост рисков (дистракции, проблемного использования смартфона, утечек данных и инфодемии). Затрагивается тема инструментов обучения, чем пользуется современная молодежь при обучении в общеобразовательных учреждениях. Почему нейросети это плохо и как цифровизация поменяла подход к изучению материала.

Ключевые слова: молодежь, цифровая эпоха, цифровая педагогика, социальные сети, мессенджеры, дистанционное обучение, цифровая компетентность, академическая успешность, риски цифровой среды.

V.S. Shcherbina, Saint Petersburg University
of Management Technologies and Economics (UMTE)

THE EDUCATIONAL PROCESS FOR YOUNG PEOPLE IN THE AGE OF DIGITALIZATION

This article examines key changes in youth education in the context of digitalization: the expansion of the educational space through social media and messaging apps, shifts in communication